

Организм, как целое, в индивидуальном и историческом развитии. Изд. Академии наук, 1938).

Аристотелем дан целый ряд конкретных примеров коррелятивных зависимостей органов у высших животных, — примеров, вызвавших восхищение Кювье. Мы, конечно, отдавая должное Аристотелю, не должны забывать, что ему была чужда идея эволюционного развития. Но в возникновении эволюционных идей (у предшественников Дарвина) немалую роль сыграл установленный Аристотелем же принцип постепенного повышения организации (позднейшей «лестницы существ»). Ряд других выдающихся идей Аристотеля внимательный биолог почерпнет из его зоологических работ.

Биомедгиз, как видно, приложил старание к тому, чтобы облегчить чтение изданной работы Аристотеля и пользование ею. Кроме вводной статьи, мы находим здесь список важнейшей доступной литературы об Аристотеле и специально о его биологических трудах. Более 30 страниц занимают тщательно составленные примечания к тексту. В виде приложения дана (по Мейеру) сводная таблица систематических подразделений животного мира, как их устанавливает Аристотель, и, наконец, терминологический указатель, облегчающий пользование книгой. К числу недостатков надо отнести многочисленные ошибки в греческой транскрипции (особенно в надстрочных знаках), от которых Биомедгиз никак не может освободиться. С внешней стороны книжка издана неплохо. В заключение надо пожелать, чтобы она встретила то внимание читателей, какого вполне заслуживает.

Проф. М. Гремяцкий

КАТОН, ВАРРОН, КОЛУМЕЛЛА, ПЛИНИЙ.—*О сельском хозяйстве.* Под редакцией и с вводной статьей проф. М. И. Бурского. Издание Института истории науки и техники Академии наук СССР. Огиз—Сельхозгиз. 1937, 302 стр., 6 рисунков в тексте, 2 карты и 1 фототипия-вкладка. Цена (в переплете) 6 руб. 50 коп.

В серии «Классики естествознания» Государственное издательство колхозной и совхозной литературы выпустило в 1937 г. хорошо оформленную книгу, содержащую в русском переводе отдельные части трактатов римских писателей о сельском хозяйстве конца республики—начала империи. «При отборе материала,—пишут редакторы (общая редакция—проф. В. С. Сергеева, деловая—проф. М. И. Бурского),—для настоящего сборника мы стремились дать представление читателю об общем характере данного источника, поэтому вместо набора «избранных» отрывков мы предпочитали печатать книги или главы целиком, не сокращая произвольно тех мест, которые могут показаться тому или другому читателю мало интересными» (стр. 5).

Указание на печатание целиком «глав» относится к трактату Катона о сельском хозяйстве, из которого переведены 48 глав при общем их количестве 162; целиком «книги» (в античном понимании этого слова, где подразделение на «книги»—*libri*—обозначало скорее деление на большие главы, чем законченные отдельные книги в нашем смысле) даны из сочинений Варрона, Колумеллы и Плиния. Из варроновых *rerum rusticarum libri tres* избрана для настоящего издания вторая «книга» о животноводстве; из 12 «книг» Колумеллы *de re rustica* полностью переведены, кроме предисловия, книги I и III, в которых говорится о наиболее рациональном выборе и устройстве имения (виллы) и о виноградарстве соответственно. Из большой энциклопедии Плиния Секунда Старшего, охватывающей 37 книг, также целиком даны книги XVII и XVIII о полеводстве и садоводстве в Италии. Большая часть переводов—из Катона, Варрона, Колумеллы и части XVIII книги Пли-

ния — сделана М. Е. Сергеевко, XVII книга Плиния переведена Я. М. Боровским, а вторым переводчиком XVIII книги Плиния указана В. М. Кремкова. Учитывая трудность для любого переводчика точно передавать значение каждого специально агрономического термина или название специфических для древности растений или рецептов, в целом переводы надо признать удовлетворительными. Можно дискутировать с редакцией, является ли *осіпум* Катона смесью кормовых трав, как указано в примечании на стр. 97, или это однородное растение (род клевера или базилика, поскольку некоторые специалисты считают, что *осіпум* в текстах Катона и Варрона то же, что *осіпум* у Плиния). В главе 54 о кормлении скота этим растением Катон говорит: «Когда *осіпум* будет готов, прежде всего давай его. Рви его руками, он отрастает; то, что срежешь серпом, не отрастает»; это несовместимо с объяснением *осіпум*, как смеси кормовых трав; придется признать более правильным стремление М. Е. Сергеевко оставить это название совсем без перевода и пожалеть о неудачном примечании редакции, соблазнившем, видимо, и переводчика согласиться с этим толкованием в главе 53 катонова трактата (стр. 102). Можно сожалеть, что переводчик оставил без перевода греческие слова: *ἔπος* — сок из деревьев, особенно из смоковницы, или *δάκρυον* — всякое вещество, капли которого напоминают слезу, в частности смола (стр. 134). Это тем более непонятно, что на стр. 221 редакция сочла нужным пояснить греческий термин *ampelodesmos*.

Что касается самого выбора «книг» или глав, то его можно признать более или менее удачным. Редакция выбрала те книги и по тем вопросам, в которых автор проявляет наибольшую осведомленность по сравнению с другими античными писателями.

Поскольку советский читатель впервые знакомится из этого сборника с трактатами древнеримских писателей по сельскому хозяйству (*scriptores rerum rusticarum*), очень важное значение приобретает для правильного понимания текста вводная статья проф. М. И. Бурского, которая, по словам редакции, «построена так, чтобы одновременно служить и комментарием к творчеству античных агрономических писателей (стр. 5).

Редактор-комментатор в этой статье, обнимающей около пяти печатных листов, ставит своей задачей по-новому подойти к интересующему его материалу, «исследовать работы античных агрономов в тесной связи и взаимозависимости со сложным клубком противоречий антагонистического рабовладельческого общества», «вскрыть своеобразное отражение этих противоречий в агрономической литературе древнего Рима».

Античные агрономы «имели свое лицо, свое агрономическое credo, свою агрономическую программу и отражали определенные социальные и политические воззрения. А взгляды эти и программы были разными у каждого из агрономических писателей, в зависимости от тех условий, в которых они действовали, в зависимости от того, какими социальными интересами они руководились, в зависимости от уровня агрономической науки и практики, влиянию каких научных школ они подвергались и в каких естественно-исторических условиях — почвенных, климатических и других — формировался их практический опыт» (стр. 8).

В дальнейшем на примерах дошедших до нас сочинений Катона, Варрона, Колумеллы и Плиния Старшего автор пытается показать конкретное развитие этих агрономических школ и взглядов, «привлекая для большей убедительности своих выводов еще одного «агронома» — автора «Георгик» — поэта Вергилия. Хотя стихи Вергилия на сельскохозяйственные темы — «Буколики» и «Георгики» — не вошли в основное содержание сборника, но М. И. Бурский счел нужным уделить Вергилию 11 страниц своего «Введения», чтобы вывести в его лице идеолога мелкого и среднего землевладения. Надо сказать прямо, что нашему автору это плохо удалось. Он сам чувствует, что привлечь Вергилия в ряды *scriptores rerum rusticarum* —

задача мало благодарная. «Фигура Вергилия так резко выделяется из ряда античных агрономических писателей, что невольно возникает вопрос,—признает сам М. И. Бурский,—что общего было между прожженным дельцом и эксплуататором Катонем, любителем археологии и животноводства Варроном, образцовым практиком с твердой хозяйственной рукой Колумеллой и поэтом Вергилием, самим «божественным Вергилием» (стр. 35). Этот вопрос остается без ответа, ибо общим у всех названных античных писателей было то, что противоречит тезису проф. М. И. Бурского о Вергилии, как представителе мелкого землевладения: принадлежность Вергилия к кругу идеологов и представителей верхушки рабовладельческого класса. И проф. М. И. Бурский вынужден написать: «Вряд ли сам Вергилий имел в виду написать практическое руководство типа сочинений Катона, Сазерны. Создавая свои художественные образы на сельскохозяйственном материале, он поддерживал тезис о «прелестях сельской жизни», пропагандировал основные идеи сельскохозяйственной политики Августа, «которыми никак не хотели проникнуться бросающие свои земли опутанные долгами земледельцы» (стр. 43). И далее он совершенно правильно признает, что стихи Вергилия не доходили до тех, кому они, по мнению М. И. Бурского, предназначались: до мелких собственников и ветеранов, получавших наделы от триумфиров. «Зато Вергилия читали горожане. Читали, декламировали, восхищались, соглашались и... оставались в городе» (стр. 43). А в таком случае не лучше ли было бы оставить Вергилия в ряду поэтов, как таковых, и не делать из этого продолжателя на римской почве греческой «буколической» поэзии пропагандиста каких-то новых агрономических программ. Вергилий в художественных образах воспевал «простоту» деревенской жизни, звал «назад», на лоно природы, римских политиканов-рабовладельцев, уставших от потрясений гражданских войн,—и только. Отсюда и пессимистический вывод проф. М. И. Бурского: «Как бы то ни было, вряд ли Вергилий имел особый успех среди тех слоев, которым его агросоветы были адресованы» (стр. 45).

Давая подробную характеристику собственно-агрономических трактатов различных авторов, проф. М. И. Бурский везде старается более или менее осветить ту эпоху в истории Рима, когда жил и творил тот или иной писатель. В кратком введении это представляет весьма трудную задачу, при решении которой иногда можно уклониться в сторону упрощения исторического процесса, некоторых недомолвок или голословных утверждений. И кое-где автор «Введения» не избежал этих опасностей. Так, на стр. 9, при описании развития римского землевладения в период ранней республики, упоминается сначала о «наследственной собственности отдельных патрицианских хозяйств», а затем говорится о выводе колоний, «где беднота получала в собственность мелкие участки». Без указания на процесс борьбы патрициев с плебеями, требовавшими для себя права на землю в течение всего V и IV веков до н. э., может остаться впечатление, что эта «беднота» тоже была патрицианской, что было бы в корне неверно. На стр. 10 захват богачами-рабовладельцами *agri publici* рисуется так, что можно подумать об обработке всего *agri publici* силами мелких землевладельцев. «Расхватывается *ager publicus* всякими правдами,—пишет М. И. Бурский,—а больше неправдами, то-есть попросту силой сгоняется с этой общественной земли мелкий землевладелец». Картина явно неверная, искажающая историческую перспективу и наваянная буржуазными историографами Рима, на которых делает ссылки автор. Наличие закона Лициния Секстия *de modo agri* от 367 г. показывает, что уже в IV веке до н. э. в Риме существовало именно на *ager publicus* крупное земледельческое хозяйство, а во II в. до н. э. крестьян лишали не столько *agri publici*, сколько их наследственных участков, которыми они владели—*optimo iuri*.

Характеристику эпохи гражданских войн М. И. Бурский почему-то счел более целесообразным приурочить к «агрономическому» выступлению Вергилия. Здесь (стр. 35—37) подробно описывается процесс изменений в римском сельском хозяйстве. Но и здесь дело не обходится без путаницы. Попробуйте, например, разобраться в следую-

щем тезисе: «Бегство-из деревни в город все усиливалось. Земельный участок опутанного долгами мелкого и среднего хозяина переходил к крупному рабовладельцу. Бросали сельское хозяйство и крестьяне, давно оторванные от производства походами, разоренные военными грабежами и сражениями. Наконец, мелких и средних землевладельцев вытесняли с земли постоянные ее конфискации. Ветеранов-победителей надо было вознаграждать, и им отдавали участки плодороднейшей земли, гоняя прежних владельцев, исконных опытных земледельцев. Происходит небывалая мобилизация земельных фондов для наделения земель ветеранов Мария, Суллы, Помпея, Триумвиров (почему-то с большой буквы.—Г. С.) и, наконец, Цезаря и Августа (стр. 37). Если крестьяне были «давно оторваны от производства походами», то они были уже не крестьянами, а ветеранами. Если же «ветеранам-победителям» «отдавали участки плодороднейшей земли», то те же крестьяне возвращались обратно на землю; или, может быть, эти ветераны вербовались за счет иных категорий граждан—италиков? И если «происходит небывалая мобилизация земельных фондов для наделения ветеранов» загадочных «Триумвиров», указываемых отдельно от ветеранов Цезаря и Августа, то этим путем возрождается как раз мелкая и, по крайней мере, средняя земельная собственность.

Ограничимся этими примерами, чтобы показать, как стремление к сжатости изложения или ненужному риторизму вредно для правильной обрисовки исторического процесса.

• Что касается основной мысли автора «Введения», что в дошедших до нас сочинениях античноримских агрономов можно найти у каждого «свое лицо, свое агрономическое *sredo*, свою агрономическую программу» (стр. 8), то и здесь М. И. Бурскому удалось подтвердить это положение разве только на примерах Варрона и Колумеллы. Катон, которого проф. М. И. Бурский, под влиянием буржуазных модернизаторов, именует то крестьянином кулацкого типа в соответствии с моммзеновским *der derbe sabinische Bauer*, то «капиталистом», хотя бы и в кавычках (30 лет тому назад проф. Р. Виппер пустил в оборот эту характеристику Катона без кавычек, см. «Очерки по истории Римской империи»), оказывается неспособным удовлетворить запросы к агрономическим знаниям своих современников. «Потребность в науке об организации именно такого (рабовладельческого средней руки, типа «виллы» II в.—Г. С.) хозяйства, в изучении опыта его ведения сказывалась все острее. Катоновский же трактат этой потребности не удовлетворяет» (стр. 22). Это заключение плохо вяжется с утверждением автора, что «Катон в своих агрономических указаниях поддерживает результаты сельскохозяйственной практики предшествовавших поколений, исходит из некоторых основных положений, представляющих собой ступок сельскохозяйственного опыта Италии II века до нашей эры» (стр. 15). Проф. М. И. Бурский совершенно правильно определяет в дальнейшем место Катона в социальных группировках римского общества II в., но от этого трактат Катона, построенный на голом эмпиризме, не может стать известным этапом в развитии италийской агрономической мысли, тем более ограждением «влияния научных школ». Проф. Бурского соблазняет, как и многих исследователей до него, выражение Катона: *patrem familias vendacem, non emacem esse oportet* (C a t o, II, 7), и он видит в Катоне проводника каких-то новых веяний в организации сельскохозяйственного производства. Но в контексте это место не дает повода для выводов, какие делает М. И. Бурский. Катон пишет: «Он должен произвести продажу: продать масло, если оно в цене, вино, продать излишки хлеба, увечный скот, увечных овец (шерсть, шкуры, старую телегу, старые железные орудия), пожилого раба, болезненного раба и вообще продать, что есть лишнее. Хозяин должен прилежать к продаже, не к покупке» (цитирую по переводу М. Я. Сергеевко, стр. 90. В издании Катона под ред. Г. Кейля 1895 г. нет скобок в подлиннике, вставленных в перевод.—Г. С.). Здесь ни о каких «капиталистических» тенденциях нет и речи: основой Катона является хозяйство натурально-потребляющее, а не производящее на рынок. Подсказывать

Катону мысли, которых он не имел, как это делается нашим автором на стр. 21, нет надобности.

Приходится признать, что в отношении Катона проф. М. И. Бурский только поставил проблему, но не разрешил ее.

Больше оснований видеть отражение борьбы научных школ античной агрономии в творениях Варрона и Колумеллы. Проф. М. И. Бурский прав, указывая, что «Варрон составлял не просто сборник практических указаний катоновского типа, а систематический трактат по сельскому хозяйству. Он дает, скорее, некоторые общие основы сельскохозяйственных знаний, чем советы, рецепты по их практическому применению в хозяйстве определенного типа» (стр. 27). Именно потому, что Варрон был больше кабинетным ученым, чем хозяином-практиком, его трактат имеет известный налет науки. Но Варрона приходится рассматривать не как самостоятельного мыслителя и борца за свои взгляды; а скорее как холодного регистратора известных ему явлений хозяйственной жизни Италии I в. до н. э. Сам М. И. Бурский пишет: «Колумелла первый выступает на поприще агрономической литературы с цельной агрономической программой как боевым знаменем крепнущего и развивающегося, полнокровного рабовладельческого хозяйства» (стр. 51).

Правда, этот лестный для Колумеллы отзыв несколько стушевуется гораздо более скромным выводом из разбора его трактата. Автор «Введения» в итоге вынужден признать, что у Колумеллы есть ценнейший опыт, толкающий вперед мысль, есть практика, потребности которой рождают науку, рождают первые попытки научных объяснений и обобщений агрономического опыта. Нет еще агрономической науки в современном смысле этого слова, как нет и ученых агрономов, хотя «Колумелла присваивает себе этот титул не без основания» (стр. 66).

Если таков конечный вывод в отношении корифея агрономов античности—Колумеллы, то не приходится много говорить о последнем авторе разбираемого сборника—Плинии. «Плиний, как правило, не выступает с какими-либо новыми агрономическими идеями, которых мы не встретили бы у его предшественников. Но в этом обилии различных данных и фактов, заимствованных у многочисленных писателей от Катона до Колумеллы, относящихся к агрономической практике хозяйств различных социальных типов и различных эпох, и кроется основная ценность его труда» (стр. 82). Эта характеристика великого энциклопедиста верно отражает содержание его «агрономических» познаний, данных в переводе в разбираемой книге.

Что же в итоге можно сказать о «Введении» проф. М. И. Бурского в целом? Оно действительно является введением не столько к трактатам античных писателей о сельском хозяйстве, сколько к будущим серьезным исследованиям, которых мы вправе ожидать от автора. Это—только первый шаг к настоящему глубокому комментарию к переводам Катона, Варрона и других, так же, как первым шагом являются и публикуемые в рассматриваемом сборнике частичные переводы. Хотя даны и не «отрывки», а целые «главы» и «книги», все же, за исключением разве Плиния, они не дают полного представления о богатстве мысли древних авторов, которых проф. М. И. Бурский желает «пригласить на временную работу для социалистического земледелия» (стр. 84). Надо надеяться, Академия наук СССР не остановится на проделанной частичной работе, а выпустит в ближайшем будущем полные комментированные переводы трактатов Катона, Варрона и Колумеллы по сельскому хозяйству. Наш читатель настолько вырос, что не удовлетворяется хрестоматиями, а требует полного знакомства с памятниками литературы прошлых веков.

Приложенные к разбираемому изданию карты древней и современной Италии составлены довольно небрежно и даны в столь малом масштабе, что в них трудно разбираться. Из грубых ошибок на карте древней Италии особенно бросается в глаза остров Коркира вместо «Коссура»—теперешняя Пантеллерия, а также выражение «границы

провинций» для обозначения границ италийских областей, которые никогда не были «провинциями» в римском смысле слова. Названия городов не выдержаны в одной транскрипции; одни показаны с латинскими окончаниями, как Ариминум, Аррециум, другие—в руссифицированной форме—Брундизий, Клузий и т. п. Опечатки превратили «Вейи» в «Вейн», «Генуа» в «Гениа», «Эолийские» острова стали «Эолнскими», «Фрегеллы» (на врезке)—«Фрегодлами» и т. д.

Данный в приложениях «Указатель имен, названий и терминов» составлен весьма скупо, хотя и в расчете на малоподготовленного читателя. Принцип составления пояснений—невыдержанный: в одних случаях, например, указаны точно годы рождения и смерти того или иного деятеля (Сулла, Феофраст, Энний, Эратосфен, Марий и др.), в других случаях показан только век (Аристотель, Александр Македонский, Аттал III, Софокл и т. д.), иногда же не дано ни того, ни другого (Ганнибал, Гракхи, Дикеарх и пр.).

В таблице мер дана загадка для ребят школьного возраста: 1 скрипул равен 100 кв. футов, а 144 скрипула—3 600 кв. футов, дальше скрипул опять увеличивается до нормы—в югере и гередии. Также и фунт (почему-то *livia* вместо *libra*) оказывается равен 2 унциям, хотя соотношение фунта и унции в граммах указано правильно. Грубая опечатка неправильно указывает дату рождения Вергилия—78 г. вместо 70 г. Подобные ошибки, которые редакция легко могла предотвратить, портят эту в общем хорошо составленную и оформленную книгу.

Проф. Г. Сергиевский

«*HUDŪD AL 'ĀLAM*» «*The Region of the World*». A Persian Geography 372 a. h.—982 a. d. Translated and explained by V. MINORSKY. With the Preface by V. V. BARTHOLD. Translated from the Russian. London. 1937. XXI + 524 pp. 8° («E. J. W. Gibb Memorial», New Series XI).

По собственному признанию В. В. Бартольда, главной причиной, побудившей его отказаться от попытки дать полный перевод персидской рукописи «Худуд ал-Алем» неизвестного автора X в., было «большое число географических названий, произношение которых остается неизвестным». По этой, вероятно, причине издатель ограничился фотографическим воспроизведением текста, введением, содержащим весьма ценный материал, и указателем имен собственных, личных и географических, встречающихся в рукописи¹. Работа, проделанная Бартольдом, разумеется, облегчила задачу, стоящую перед английским переводчиком и комментатором. При чтении рукописи, вероятно, некоторую пользу оказало переводчику тегеранское издание «Худуд ал-Алем», приложенное Сейид Джелал-эддином Техрани к его календарю на 1314 персидский год (= 1353—4 г. х. = 1935 г. н. э.), Тегеран, 1352 г. (ср., например, Минорский, стр. XIV, прим. 5). Отдавая должное «Введению» Бартольда, переводчик, однако, указывает, что в нем далеко не исчерпаны «проблемы, порожденные текстом». Поэтому он решает не только дать полный перевод всего персидского оригинала и «Введения» Бартольда, но и снабдить его собственными комментариями. Отмечается, что в таком деле неизбежны лакуны и неясности, но только путем полного перевода можно выделить то, что ясно, от того, что остается сомнительным. Автор надеется, что его

¹ «Худуд ал-Алем». Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Ленинград. Изд. Академии наук СССР. 1930, 45 стр. + 78 таблиц.